Анна, руководитель русской эмигрантской организации в Канаде, летит в Москву. На форум эмигрантов. Блаженствует. Потому, что на Родину. И потому, что впервые далеко без мужа и детей. Можно без объёмной сумки с игрушками, можно не петь в любимое маленькое ушко весь десятичасовой полёт, и не читать стишки…

Канадский самолёт. Местные жители летят через Москву куда-то…

Рядом с ней канадец среднего возраста и среднестатистической внешности: чистый, полный, розовый, с незапоминающимся лицом. Вежливый, старающийся, чтобы его было как можно меньше – втягивает куда-то, как моллюск, свою руку, чтобы подлокотник достался соседке.

Принесли поесть. С полчаса все обедают, шурша фольгой и салфетками, а потом канадцу, видимо, захотелось продолжения банкета – поговорить. Спрашивает, является ли Москва её конечной остановкой, и сообщает, что летит в Дубай, он – представитель благотворительной организации, которая помогает детям Ирака, Сирии, Афганистана.

– А вы будете в Дубае сидеть или ездить по этим странам? – интересуется Анна, прихлёбывая кофе.

– Буду ездить.

– Не надо бы, за шпиона примут.

Кусочек «брауни» – шоколадного кекса – зависает у него в руках. Он долго молчит. Потом переспрашивает:

– Вы сказали, «шпион»?

– Да, – простосердечно кивает Анна. – Шпионы всегда работают под эгидой благотворительности, так что вас могут неправильно понять. А там же война…

Сосед навеки замолкает, и до неё через минуту доходит, что она, возможно, угадала. Вот у него сейчас буря в пустыне: она русская агентша? Случайно ли посажена с ним? Что ждёт его в аэропорту Москвы?

Что-то… Шаурма и чай с чабрецом.

Через некоторое время скучно стало соседке справа. Будучи в наушниках, она не слышала разговора Анны со «шпионом». Седая ухоженная дама сняла наушники, посмотрела на то, что Анна читает выпуск журнала «Хелло» о королевской семье Британии, и с улыбкой поинтересовалась:

– Вы тоже, как и я, любите королевскую семью?

Если можно сказать, что Анна остолбенела в кресле самолёта, то вот она именно остолбенела. Недоуменно взглянула на соседку.

– Другого журнала в киоске не было.

С лица дамы сползла улыбка, и она отвернулась. Но через минуту не вытерпела:

– Вы летите в Москву? Отдыхать?

И тут дамбу прорвало! С жаром Анна принялась рассказывать, что мы все, русские из Канады, любим ездить в Россию, она стала совсем иной, чем когда мы уезжали – в девяностые, и мы так рады, и как мы скучаем по ней!

– А я живу в Канаде тридцать восемь лет и не соскучилась по Германии, – удивилась немка.

«Я бы тоже по такой стране не соскучилась», – думает Анна, но молчит.

– Вот чего вам не хватает в Канаде? – продолжает допытываться собеседница.

Русская с минуту соображает. В Канаде много хорошего, и всего ей хватает. Кроме главного.

– Мне России не хватает, – говорит.

Немка отвернулась. Далее все летят в полном молчании. Анна думает, что вот так Россию и изолируют. За её лучшие качества: простодушие и материнскую заботу, с которыми она, Анна, сообщила возможному шпиону, чтобы он был осторожен, и за патриотизм, в котором русские расписываются, не подумав, что западному человеку он неприятен.

* * *

Через три часа Анна замечает, что в конце салона пустует весь ряд и перебирается туда. Пусть шпион растечётся по освободившейся жилплощади, а немка почувствует себя вне зоны влияния Красной армии.

И тут появляется русский человек. Его сразу видно. У русских говорящие глаза. Удивительно, но наша жизнь с крепостничеством, видимо, была не такой страшной, как жизнь западного человека без оного. Потому что мы продолжаем выражать эмоции, а те давно приучились скрывать их, чтобы не быть сьеденными своими же собратьями. Вот о чём думает Анна всякий раз, когда встречается в толпе с живыми, говорящими глазами.

– Посадка возможна? – спрашивает парень, кивая на пустое сиденье.

Она соглашается.

– Там семья с детьми, я сбежал, – поясняет.

– А у меня там немцы…

– Стреляют?

– Обижаются, что люблю Россию.

– А вы читали, что некоторые немцы, как и другие иностранцы, переселяются в Россию? – спрашивает попутчик, представившийся Андреем. – Я считаю, хрен с ними, пусть едут. Трудолюбивы. Да и исторически они нам ближе всей Европы. Тока чур без своего самовара – толерантность и фидарасню пусть там оставят!

Анна солидарна, и парень заказывает алкоголь, чтобы сбрызнуть знакомство. Женщина проверяет свой фейсбук. Видит новый пост от одного из друзей, канадских организаторов Бессмертного полка.

«Я вышел из бана, – пишет Пётр. – Слава великому и мудрому Путину, спасителю Русского мира, слава ДНР, слава ЛНР, пусть горят в аду фашисты Украины, сдохни Америка, КРЫМ НАШ, Сирия наша, мы русские, с нами правда, Бог и Путин, УРА!»

Анна смеётся. Она любит своих друзей. Пётр – как кукушка, прокричал и сейчас снова отправится в бан.

«Вот это они пустили к себе погреться, – думает Анна. – Ничего. Сами нас развалили, терпите теперь».

Андрей, видя, что попутчица так мало выпила и уже смеётся, подливает и улыбается.

– А я, – говорит, – в Исландии живу.

И рассказывает, что русские там духовно не дремлют. Когда в стране легализовали однополые браки, местный русский храм осуществил акцию. Батюшка позвонил в крупную газету, узнал, когда те сдают номер в печать и пообещал прислать рекламное объявление. Тут же, заранее, его оплатил. А прислал рекламку в последнюю минуту, чтобы некогда было проверять. В объявлении с изобра-

жением храма читателей приглашали посещать литургии, а ниже, буквами помельче, стояла цитата из Святого Писания: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость… Не обманывайся: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют».

И это вышло. Проследили журналюги!

Скандал состоялся. И полиция приходила, и исками грозили, да всё на нет сошло: цитировать Слово Божие пока ещё не подсудное дело.

* * *

Обратный путь. С полным впечатлениями сердцем (в театрах была, в музеях была, разговоры по душам вела!) и полными чемоданами (книги на русском, российские кремы, которые ничем не хуже западных, но стоят гроши, самые вкусные в мире российские конфеты, календари с Путиным – всем друзьям-«ватникам» по подарку, а кое-кому и магнитики: «Сталин не умер, он растворился в вечности»).

В аэропорту Шереметьево Анна покупает бутылку французского коньяка. Её запечатывают в пакет и дают чек.

Вскоре Анна прибыла в Франкфурт-на-Майне – там пересадка. И вот же ж странное. На выход объявляют как охранники в концлагере: со злобными лицами и командной интонацией. Никто из бортпроводников не улыбается.

Женщина оглядывается и вдруг замечает, что в самолёте почти все – мужчины. Русские. Кольнуло сердце: ездят на работу в Германию? Ну, сейчас-то уже чего?..

По одному пассажиры с развёрнутыми паспортами прошли мимо банды проводников. Такого канадской общественнице видеть ещё не доводилось. Чтобы выпускали из самолёта, только если покажешь паспорт. Спрашивается, а как вы туда впускали?

Один из «охранников» меняет злое выражение на дружелюбное – видит её канадский паспорт.

Уже в аэропорту, некрасивом, и опять же, похожем на концлагерь – ни единого украшения, всё какие-то железные бараки, соединённые меж собой, и безликие коридоры – Анна стоит в очереди на проверку ручной клади. Аэропорты российских провинциальных городов куда краше.

Сотрудник смотрит на пакет с коньяком и командует: – Бросай сюда! – указывает на корзину для мусора.

– Почему? Я купила в аэропорту, бутылка запаяна в пакете, вот чек.

– Чек не в пакете, значит недействительно.

Женщина понимает, что ему понравилась бутылка…

– Тут в чеке написано, что это французский коньяк и его название.

– Бросай, я тебя не пропущу.

Она скандалит. По обёрнутым на неё лицам других сотрудников и их переглядываниям понимает, что могут вызвать полицию. Берёт пакет и уходит.

В туалете отбивает горло у фигурной бутылки и выливает содержимое в раковину. Запах – изумительный!

Горло было толстое, пришлось несколько раз ударить им по железной раковине. На шум прибежали уборщики. Нюхали воздух и недоумевали.

Вернулась к «КПП». Бросила пустую бутылку без горла в пластмассовую ёмкость для вещей.

– Это что? – спрашивает тот же сотрудник.

– Это французский коньяк, который вы хотели у меня украсть, чтобы вечером выпить. Не будет у вас вечеринки.

Странно, но он смотрит на русскую так, будто что-то понял и сожалеет.

– Вы нечестный человек, – говорит Анна, – желаю, чтобы люди вели себя с вами так же, как вы себя ведёте с ними.

– Та сфиданья! – орут ей другие работники. – Та сфиданья!

Анна понимает, что опоздала на самолёт, но она это и тогда, в туалете, осознавала.

– Не успокоитесь никак, что проиграли? – бормочет по-русски, а по-английски выкрикивает: – Вы воры! Вы обворовываете пассажиров! И у вас некрасивый аэропорт. Самый некрасивый в мире!

Под ответы, которых не слушает, уходит. К стойке, где стоит вежливая униформенная дама.

– Я туристка из Канады. Опоздала на рейс по вине ваших сотрудников, которые долго досматривали, – говорит спокойным, высокомерным тоном, как богатая канадская фря, привыкшая к тому, что ей не перечат. – Дайте другой билет.

Ей дают.

Анна, закутавшись в павлопосадский платок, сидит на жёстком железном сиденье, разгадывает кроссворд и не покупает ничего за евро. Не хочет вкладывать и одного евро в их экономику.

* * *

– Ну а если бы тебя в тюрьму увезли? – спрашивает мама. Мы и так переволновались: самолёт прибыл, а тебя там нет…

– Зато они увидели русский характер. Снова. Им надо показывать время от времени. Наши мужики там работают и молчат, у немцев может сложиться неправильное впечатление.

– Ну, так-то оно так…

* * *

Отоспавшись после полёта, Анна выходит в соцсети и пишет: «Мы отвратительны тем, что не сдаёмся. Ни в большом, ни в малом. Ни даже в крохотном. Мы не боимся трудностей, считаем, что «двум смертям не бывать, а одной не миновать», и сторонимся греха, напоминая тем самым грешникам Европы и Америки, как низко они пали. Мы бельмо. Похитители спокойствия. Божий набат в глухие уши и покрытые жиром сердца. Как нас любить?

Избавление придёт, когда мы поймём, что нам не нужна их любовь, признание.

Русские – не народ, а цивилизация. А цивилизации самодостаточны.

Русские – счастливцы. У нас всё ещё говорящие глаза…»